

Павел Брычков

Колорадский жук

Он приехал в поле подкопать молодой картошки и не поверил своим глазам: ботвы почти не было. Ему даже показалось на какое-то мгновение, что не на свой участок пришел. Но нет – вот колышек с фанеркой, где ясно видно: “Дрокин А. В., цех 80”. Десять соток коту под хвост! Алексей вытащил пачку “Беломора”, сел на обочине и, опустив ноги в придорожную канавку, закурил. Колорадский жук ползал и месяц назад, когда он окучивал картошку, но что такое сможет натворить, и в уме не было.

Он выкопал несколько гнезд – горох горохом. Поели картошечки! На душе стало пусто и погано. Он начал было с остервенением давить красных личинок, облепивших изнанку редких уцелевших листьев ботвы, но скоро плюнул и быстро зашагал к “Жигулям”, стоявшим на краю поля. Оглядывая другие участки, заметил, что некоторые были такие же, как у него, другие зеленели, хоть бы что. Он догадался, что уцелели у тех, кто собирал жуков или обрабатывал химией. У Тольки Степанова, токаря одного с ним цеха, который привез его сюда на своей машине, ботва стояла зеленой, толщиной с большой палец, обещая добрый урожай. Оттого, что у Тольки все нормально, ему стало еще муторней. Сам Толька ходил между рядами и опрыскивал ботву какой-то французской химией. Отравы, конечно, но зато зимой будет с картошкой. Звал ведь Толька его несколько раз воевать с жуком, но то недосуг, то лень, да и не верилось, что так может быть, что так жрет...

Всю обратную дорогу Дрокин ехал молча, пропуская мимо ушей Толькину болтовню. Выходит, что и с погребом зря надрылся – пустому стоять! Сколько сил и денег ухлопал на него. Без погреба, понял в прошлую зиму, – никак. Картошка в ящике на пять мешков, который он поставил в подъезде, к февралю израстала полуметровыми бледными плетями, и дряблые, усохшие картофелины и картошкой-то назвать было трудно.

Погреб он сделал в березовом колке прямо напротив родной пятиэтажки. Единственная, пожалуй, выгода от того, что квартиру дали на окраине города. Весь колок в буграх, будто гигантский крот нарыл. Все в последние два года. А до перестройки в этом колке в праздники веселились компании с песнями. Алексей поначалу не жалел о том времени, ему было все равно, как будет называться строй, лишь бы ему не мешали жить. Считал, что хорошие фрезеровщики при любом строе нужны будут. Но когда стали то задерживать зарплату по три месяца, то отправлять в неоплачиваемые отпуска, занервничал. Вся жизнь в последние два года суета из-за жратвы. Внутри накапливалось раздражение, требовавшее выхода... А тут еще этот чертов жук!

Толька, когда приехали в город, позвал распить бутылку, но он отказался. Вечером решил ехать с ночевой на дачу. Дачный участок держал четвертый год. Был он в тридцати километрах от города, и в этой стороне колорадского жука еще не было. Мешка два он возьмет с дачного участка, а вот где взять еще восемь мешков... Можно бы купить, да ведь месячной зарплаты не хватит, а еще за квартиру, на еду...

Когда сошел на своей остановке с последней вечерней электрички, солнце, похожее на срез арбуза, коснулось краем земли. До его дачи, которую он подчеркнуто в разговоре со знакомыми называл огородом, нужно было идти полтора километра вдоль защитной лесополосы, параллельной железной дороге. Возле лесополосы росла картошка дачников, которые успели первыми захватить и распахать землю. Надо бы и ему тогда подсуетиться, да некогда было, сарай строил. Ишь, какая ботва вымахала – будет картошка! Тут у него мелькнула мысль,

которую он поначалу отогнал. Но пока дошел до своего участка, она уже прочно вцепилась и не отпускала его. “Ежели от каждого понемножку, не убудет... – думал он. – А ведро-то сегодня по пятнадцать тысяч...”

Когда стемнело, укрепил на двухколесной ручной тележке картонную коробку и двинулся к лесополосе, до которой от его сарая было метров семьсот. Продрался через яблоню-дичку и замер, осматриваясь. Выждав, пока пройдет товарняк, на какое-то время ослепивший его, он начал копать картошку. В коробку входило три ведра, и он наполнил ее быстро. Сверху на картошку положил пласт дерна, на случай, если кто встретится. Тем более до этого он возил дерн для дорожки. Никто не встретился, но он все-таки подумал, что этим делом лучше заниматься в будние дни, когда на дачах ночует меньше народу... В эту же ночь сходил еще два раза и удовлетворенно подвел итог: сотни на полторы будет! Взять на среду отгул и хорош... Он вспомнил, как в детстве лазил по чужим огородам – там лишь азарт, баловство... А тут... Если б не колорадский жук, стал бы он марафеться! А так накопанное можно продать, а осенью закупить на хранение, глядишь, и презимуем.

В среду, когда он тащил тележку в последней ходке (а всего уже мешка четыре напромышлял), начинало светать. Он немного не успел свернуть на свою аллею, когда увидел идущего навстречу мальчишку лет двенадцати с удочкой. В двух километрах от садоводства была старица, где ловились караси. Алексей заторопился, на повороте тележка подпрыгнула на кочке, слетело колесо, с наклонившейся коробки слетел дерн, и несколько картофелин покатились по дороге. Алексей успел собрать их и прикрыть дерном еще до того как мальчишка поравнялся с ним.

Приладив колесо, он двинулся дальше. Но мысль о том, не заметил ли пацан картошку, не давала ему покоя. Он закурил и, глядя на свои дрожащие руки, решил, что пора с этим завязывать...

К электричке он подошел перед самым ее приходом. Увидев на платформе пацана, который ему встретился утром, прошел вперед, хотя садился обычно в последние вагоны. Оглянувшись, он встретился с ним взглядом и почувствовал, как стало почему-то неудобно.

В вагоне он сел у двери и задремал в углу. Десяти минут не прошло, как кто-то требовательно тряхнул его за плечо. Он поднял голову, и сердце его полетело в пустоту. Перед ним стояли три молодых парня из дачников, а рядом с ними тот самый пацан. “Этот?” — спросил один из парней, и пацан утвердительно кивнул. Парни выволокли его в тамбур и били умеючи, с удовлетворением, жестоко, как бивали всегда русские мужики воров. Перегон в десять минут показался Дрокину вечностью. На следующей остановке, называвшейся просто “Двадцать пятый километр”, где не было ни одного людского жилища, его выкинули из вагона. Он сполз с насыпи и отлеживался почти всю ночь, беззвучно плача. Радужные иглистые большие звезды дрожали в высоком темном небе и больно царапали глаза.

Домой добрался первой утренней электричкой, с трудом взобравшись на нее. Жене сказал, что избил хулиганы.

На дачу вновь смог приехать лишь через две недели. Был на больничном, а поливать ездила жена. На вопрос, откуда взялась картошка, сказал, что накопили с Толькой на колхозном поле.

Под вечер, когда собирал покрасневшие помидоры, увидел того самого пацана с удочкой, который шел к старице. Долго, как замороженный, смотрел он ему вслед. И до самых сумерек никакая работа на ум не шла, невольно то и дело поглядывал на дорогу. Когда стемнело, схватил удочку и торопливо зашагал к водоему. “Только бы никого не было, только бы никого не было...” – билась мысль.

На берегу сердце радостно колыхнулось, когда увидел бредущую навстречу ему одинокую фигурку. Едва поравнялись, схватил пацана за локоть и чужим, глухим торжествующим голосом спросил:

– Много наловил?

Мальчишка узнал его, дернулся было, но Дрокин зажал его шею в локте правой руки и прижал к себе. Глядя на судорожно искривленные губы, он испытывал сладостно-мстительное чувство. Вспомнил, как лежал ночью у насыпи, и руки сами собой стали сжимать шею.

– Дяденька, не убивай!.. Не убивай... – прохрипел мальчишка.

– Ну что ты, парень, зачем же тебя убивать!.. – почти ласково протянул Дрокин, а руки сами собой все сильнее сжимали шею мальчика. Он забился, пытаясь вырваться, и Дрокин почувствовал, как душа его то вздымается в облегчающем мстительном наслаждении, то, замирая от страха, падает куда-то вниз. И он уже не в силах был управлять этими качелями и не мог сказать, в каком положении они замрут. Он даже не заметил два луча света, качнувшихся прожекторами на другом берегу и скользнувших затем по земле в их сторону. Свет фар на миг ослепил, он отпустил мальчишку, и тот побежал.

Машина на другом берегу проехала еще немного и остановилась. Кто-то приехал на рыбалку с ночевкой. Дрокин опустился на землю, дрожащими пальцами едва справился со спичками и закурил, чувствуя, как на смену ужасу от того, что только что могло случиться, пришло страшное облегчение, что это ужасное миновало его.

Через полчаса, сутулясь и опираясь связанными коленами удилица, как палкой, он пришел к своему сараю и стал таскать картошку в компостную яму. “Ладно, проживем как-нибудь...” – бормотал он то оправдывающимся голосом, то грозил кому-то: “Проживем!”. Перетаскав, с остервенением изрубил ее до белого крошева лопатой и засыпал землей.

1995